

возникает вопрос, кому принадлежит этот смысл, двойное учреждение которого было выполнено разными фактическими субъектами?

Французские феноменологи несколько по-разному подходят к рассмотрению статуса этого смысла. Мерло-Понти в статье «О феноменологии языка» и в неоконченной «Прозе мира» рассматривает его как «общий смысл» – принадлежащий и мне, и другому, и всем потенциальным другим. Язык, понимаемый им как внешний и проницаемый уровень телесности, дает возможность «пересечения тел», разделения одного и того же смысла – вплоть до «одержимости». Когда я усваиваю мысль другого, она становится в некотором роде моей, но и я тем самым меняюсь; так я могу усвоить и стиль того или иного писателя, но усвоить его, лишь уступив ему: «Я создаю Стендаля, и когда я его читаю, то и сам становлюсь Стендалем».

Деррида же во Введении к «Началу геометрии» говорит об «отчуждении смысла», который не принадлежит больше ни мне, ни другому, но помещается на хранение (*se depose*) в язык, как в банк. Смысл отрешается от изначального собственника, лишается его и также становится общим, но уже как не принадлежащий никому. Исполняя смысл, я как бы заимствую его на время, чтобы вновь вернуть в язык уже с процентами. Таким образом происходит капитализация, или прирастание, истины, ее накопление. Язык становится автономным местом традиции, не зависящим от фактических участников традиции, но и не полагается как сфера неизменных истин трансцендентального эго, становясь сферой бесконечной работы.

Привнесение в феноменологию проблематики языка и идея о неустранимости языкового измерения у обоих авторов приводит к тому, что язык становится не просто средством закрепления и передачи опыта, но средой существования смыслов, не имеющих явного истока, однозначной принадлежности, но одалживаемых и возвращаемых. Это, в частности, позволяет уйти от метафизической парадигмы «принадлежности», соответственно от антифеноменологического постулирования «субъекта».

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРАКТИКА: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Шиян Т.А.

кандидат философских наук

Фонд «Центр гуманитарных исследований»

(Москва, Россия)

УДК 1(091), 101.1, 101.8

В сообщении рассматриваются основные положения концепции античной философии П. Адо с рядом уточняющих и развивающих их положений автора. Основываясь на концепции Адо и его трактовке понимания в школе Аристотеля философской практики как мышления, автор считает, что философия никогда не переставала быть именно практикой, хотя тип практики и сменился. Произошло это в процессе христианизации античной культуры, в результате чего философский дискурс оторвался от неприемлемых для христиан языческих практик. Но он нашел продолжение, с одной стороны, в христианских религиозных практиках, а с другой стороны, в практике мышления. Познание, основанное на мышлении и рефлексии, является областью развертывания философии как практики и сегодня. При этом, как и в античности, философская практика становится философской только в процессе дискурсивного самоописания и самопроектирования.

Ключевые слова: Пьер Адо, Платон, Аристотель, античная философия, философская практика, философский дискурс, христианство, современная философия, мышление, рефлексия, самописание.

PHILOSOPHY AS PRACTICE: FROM ANTIQUITY TO THE PRESENT DAYS

Shiyan T.A.

PhD

Foundation for Humanities

(Moscow, Russia)

The report discusses the main provisions of the concept of ancient philosophy of P. Hadot with a number of clarifying and developing their provisions of the author. Based on the concept of Hadot and its interpretation of the understanding of philosophical practice as thinking in the school of Aristotle, the author believes that philosophy has never ceased to be exactly a practice, although the type of practice has changed. This happened in the process of Christianization of ancient culture, as a result of which the philosophical discourse broke away from pagan practices unacceptable to Christians. But it has found a continuation, on the one hand, in Christian religious practices. and on the other hand, in the practice of thinking. Cognition based on thinking and reflection is still an area of development of philosophy as a practice today. At the same time, as in antiquity, philosophical practice becomes philosophical only through discursive self-description and self-projection.

Keywords: Pierre Hadot, Plato, Aristotle, ancient philosophy, philosophical practice, philosophical discourse, Christianity, modern philosophy, thinking, reflection, self-description.

Автор в целом разделяет подход к трактовке античной философии П. Адо [1]. При этом, эта концепция, на взгляд автора, гораздо более универсальна, чем осмелился утверждать сам Адо. Автор, начав с основных положений о природе философии и этапах ее становления и развития, разделяемых, как ему представляется, и Адо, имеет целью ответ на вопрос, что же является философской практикой (философией как практикой) в наше время.

1. Слова «философия» и «философ» появляются в греческом языке только в эпоху Платона и приобретают особое значение (отличное от смыслов, задаваемых соответствующим словообразованием) в первой половине IV в. до н.э., видимо, в процессе борьбы «философских» школ Исократа и Платона [1, с. 24–37, 55–66 и др.]. Предшествующая интеллектуальная традиция была отнесена греками к философии только ретроспективно.

2. Начиная с Платона, античная философия представляет собой некоторую философскую практику, или образ жизни (Адо использует эти выражения как синонимы). При этом, данное утверждение фактически является метафорой. Согласно Адо, философия (философская школа) имеет двухслойную структуру и состоит из собственно философской практики и обслуживающего ее философского дискурса [1, с. 18–21]. С одной стороны, именно философская практика является тем, ради чего существует философия. С другой же стороны, только наличие особого вида дискурса делает эту практику именно философской (а не религиозной, к примеру).

3. В традиции Московского методологического кружка (ММК), которой близок автор, социальные структуры, подобные философским школам античности, принято описывать как системы мыследеятельности, а именно как области деятельности, имеющие трехслойную структуру: слой практики, слой коммуникации и слой мышления, которые связаны между собой процессами рефлексии разных видов. В концепции Адо слой мышления и процессы рефлексии в явном виде не выделяются, но, безусловно, он их наличие не отрицает. Дискурс понимается Адо как ««дискурсивная мысль», выраженная посредством письменной или устной речи» [1, с. 20]. Можно сказать, что в концепте «философского дискурса» Адо интегрируются процессы внутришкольной коммуникации, мышления и рефлексии по поводу ее практики. Это важные черты философского дискурса, без которых никакая практика не является философской.

4. Философски дискурс по отношению к соответствующей практике (образу жизни) выполняет следующие функции. Самоописание школьной практики в ее дискурсе является, с одной стороны, инструментом рационализации практики (1) и, с другой стороны, механизмом

обратной связи (2), коррекции как образа жизни конкретного философа в целом, так и успешности выполнения им тех или иных *духовных упражнений (аскеза)*. Кроме того, самописание выполняет проективную функцию (3), функцию построения новых элементов практики. Эти три функции самописания тесно связаны между собой и являются, на взгляд автора, неотъемлемой частью философии, без которой никакая практика, в чем бы она ни состояла, не является философской. Кроме того, построенное самописание философии выполняет педагогическую функцию (4), являясь базовым инструментом воспроизводства философии в новом поколении. Другой важной составляющей обучения неопфита является обоснование, что данный философский образ жизни, данная жизненная практика является наилучшей (5). Кроме того, философский дискурс выполняет функцию внешней апологетики (6), которая по инструментам риторики и аргументации может отличаться от внутренней апологетики (5).

5. Особую роль в понимании концепции Адо и ее переноса на философию в целом играет интерпретация аристотелевской школы. Согласно Адо, практика аристотелевской школы состояла в уподоблении Уму (Нусу), то есть в практике мышления [1, с. 90 и др.]. Которое при этом не отрицает деятельности, поскольку Нус одновременно является и источником любой деятельности, любого движения в мире.

6. Кажущийся перелом в структуре философии происходит в процессе смены античной языческой культуры на христианскую. Христиане усваивают дискурсивный слой античной философии в качестве системы общего образования, отбрасывая философскую практику языческих школ как неприемлемую. При этом, некоторая практика (религиозная) у христиан изначально имеется и получает самописание в рамках христианской теологии, для построения которой собственно и оказывается востребованной античный философский дискурс. Это определяет и место философии в системе византийского образования (которое было перенесено и развито в западноевропейских университетах) как необходимой теоретической подготовки к занятиям теологией. Кроме того, параллельно возникает особая христианская практика – монашество, которое нередко восточными отцами церкви (например, каппадокийцами) называется подлинной христианской философией. Но кроме связи в средние века философии с религиозными практиками мне представляется важным указанное выше аристотелевское понимание философской практики как мышления. Такая практика не противоречила остальным христианским практикам и, возможно, именно это стало причиной такого значения Аристотеля как в Византии, так и в католической Европе.

7. Именно познание, основанное на мышлении и рефлексии, по убеждению автора, является областью философской практики сегодня. Современная философия состоит в *построении* собственного видения мира на основании рефлексии и мышления как основных инструментов. В связи с таким пониманием философии как видения и личностно ответственного познания было бы уместно упомянуть Э. Гуссерля [2, с. 7] и М. Мерло-Понти [3, с. 33]. При этом наличие концептуализации (самописания) выстраиваемого подхода как философского является неотъемлемой частью философии сегодня, как и в античности.

Список литературы

1. Адо П. Что такое античная философия. – М, 1999. – 320 с.
2. Гуссерль Э. Парижские доклады // Логос. – 1991. – №2. – С. 6–30.
3. Интервью с М. Мерло-Понти (1960 г.) // Логос. – 1991. – №2. – С. 31–40.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ: ОТ МУДРЕЦА К ЭКСПЕРТУ

Шульга Е. Н.

доктор философских наук
Институт философии РАН
(Москва, Российская Федерация)